

История не является перечнем антикварных фактов. С другой стороны, следует учитывать, что она не может быть и служанкой идеологии и текущей политики. Историю можно и нужно объяснять (Гегель, Маркс и др.), понимать (герменевтика), но ее нельзя насилловать и ей нельзя мстить. Разрушение памятников, вымарывание исторической памяти – это стрельба в прошлое, но не будем забывать предупреждения классиков: как бы будущее не выстрелило в настоящее из орудия большего калибра.

1. Гуревич, А. Я. Двойная ответственность историка / А. Я. Гуревич // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 3. – С. 74–84.
2. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М.: Круг, 2011. – 506 с.
3. Хвостова, К. В. Особенности истины и объективности в историческом знании / К. В. Хвостова // *Вопросы философии*. – 2012. – № 7. – С. 27–37.

Синдеев А.А.
ФЕНОМЕН «ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»
КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОМУ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ

Окружающий нас мир в значительной степени познается с помощью текстов. Данный тезис можно дополнить указанием на то, что он и выстраивается на основе текстов; это, впрочем, не означает, исключительную власть произнесенного и написанного. Однако не учитывать текстовую (пере)насыщенность теперешнего познания едва ли получится. В этой связи актуальна проблема качества производимых текстов, что делает источниковедческий инструментарий неотъемлемой частью интеллектуального багажа современного человека, позволяющего ему распознавать не только первичную, но и глубинную суть передаваемой информации, вводить ее в индивидуальный и коллективный контекст, а также успешно анализировать. Следовательно, не количество текстов, а их качественный отбор и правильно организованная работа с ними определяют среди прочего конкурентоспособность.

С учетом незначительной доступности многих архивных документов новейшая история является, как известно, довольно сложным периодом для серьезного научного изучения. Чем ближе к современности, тем менее разнообразно «источниковое меню» исследователя. В то же время благодаря Интернету многие официальные источники могут быть введены в научный оборот сразу же после их подписания и (или) одобрения. С одной стороны, это обстоятельство обуславливает популярность тем по новейшей истории, что видно по количеству ежегодно защищаемых кандидатских диссертаций; с другой – в работе над проблемами новейшей истории, как правило, забываются три важных, на мой взгляд, условия повышения научной значимости выдаваемого на-гора материала. К этим условиям относятся: 1) полное системное изучение одного подвида источников выбранного хронологического периода; 2) фиксация границ предмета; 3) учет фактора феноменализации.

В желании продемонстрировать источниковое разнообразие, что, как отмечалось выше, применительно к последним этапам новейшей истории практически невозможно, многие молодые исследователи считают целесообразным привести как можно больше видовых позиций в списке использованных источников, размывая информативное поле, переходя тем самым на уровень хрониста и совершая непоправимую методологическую ошибку, поскольку сделанные выводы являются лишь частично верными. Тогда как автономное использование либо официальных доктрин, либо речей, либо интервью, либо иных популярных «интернетовских источников» позволило бы правильно расставить акценты, выстроить необходимое поле исследования того или иного субъекта и (или) институции, предельно детализировать научный предмет, углубить познавательную наполненность получаемых выводов.

«Интернетовские источники», в первую очередь в силу их содержания, предоставляют возможность ориентировать работы по новейшей истории, начиная с периода 2000-х гг., только на небольшой набор феноменов, определенных исторических явлений, и связанных с ними процессов. Любой феномен историчен в своем проявлении, поскольку содержит набор фактов, имеет сформированные институциональные структуры, устоявшиеся или изменившиеся процессы, механизмы их

поддержания. Феномены не абстрактны, они персонифицируются, впитывают страноведческую специфику. Часть из них под влиянием различных причин, рассмотрение которых не составляет предмет данной статьи, естественно или искусственно актуализируется, привлекая на некоторое время внимание общества и усиленно способствуя продуцированию посвященных им текстов, а другая часть пребывает в «спящем режиме», не прекращая, однако, своего развития.

Если обратиться к феномену «европейская безопасность», то придется констатировать, что он как раз и относится к типу актуализированных. А если ограничиться в его изучении одним подвидом источников, к примеру, речами министра иностранных дел ФРГ Х. Мааса, то на основании их информативных возможностей придется примириться с исследованием лишь идейного уровня. В случае с Х. Маасом, который никогда не был профессиональным дипломатом, это особенно интересно: ведь он, придя в МИД ФРГ, был вынужден перенимать, в том числе и благодаря усилиям спичрайтеров, устоявшиеся формулировки. Таким образом, первые месяцы нового министра иностранных дел важны и для фиксации субстанции германского подхода.

Получается, что 14 марта 2018 г., вступая в должность, Х. Маас говорил об «эрозии либерального, основанного на правилах, демократического порядка», для сохранения которого необходимы защита, обновление «прежних партнерств», поиск «новых партнеров», а также соединение военного аспекта, гуманитарной помощи и политики в сфере культуры [3]. 21 марта 2018 г. он подчеркивал, что «в последние десятилетия среда безопасности сильно изменилась», проблемы «разоружения, нераспространения и контроля над разоружением... [поставлены] на верхние строчки политической повестки дня» [4].

28 марта 2018 г. Х. Маас конкретизировал, что «[н]ам необходимо больше коллективных действий. Нам нужны стабильные и дееспособные мультилатералистские институты, а в качестве фундамента нашего основанного на правилах международного порядка мы нуждаемся в сильных Объединенных Нациях», в установлении «эффективных партнерств между Объединенными Нациями и такими организациями, как Африканский Союз, Европейский Союз и ОБСЕ», что предполагает «взаимосвязанную политическую стратегию, четкие цели и реалистические ожидания» [5].

24 апреля 2018 г. министр отмечал, что «[м]ировое сообщество сталкивается с множеством конфликтов и проблем. Нам всем известны ключевые понятия – изменение климата, беженцы и миграции, терроризм... Редко до этого конкуренция за глобальный порядок проходила столь остро, а потребность в интенсивном сотрудничестве была столь велика... Блокада Совета Безопасности подвергает дееспособность мирового сообщества опасному испытанию... Международное сообщество должно демонстрировать на всех фазах конфликта дееспособность... мы убеждены, что сохранение и укрепление нашего основанного на правилах порядка, с Объединенными Нациями в центре – лучший путь к созданию мира. Германия содействует предотвращению конфликтов и всеобъемлющему пониманию безопасности» [1].

16 мая 2018 г. Х. Маас размышлял следующим образом: «Знакомый нам миропорядок переживает фундаментальный слом... Принципы мультилатерализма и международного права кардинально ставятся под сомнение. Это относится к международной торговой системе и к открытым обществам. Везде мы стоим перед серьезными испытаниями. Институциональные, правовые рамки, которые нам, немцам, за последние 70 лет принесли мир и благополучие, размечаются по-новому... После 10 лет последовательных кризисов Евросоюз направляется к критической развязке. Внутри [Евросоюз] борется... с весьма серьезными эрозийными явлениями, а снаружи крупные игроки (такие как Россия, Китай и, к сожалению, в известном смысле и США) угрожают расколоть Союз... В настоящее время Европа должна закрывать бреши, которые оставляют другие... Если у нас это не получится, тогда силы, имеющие совершенно иное представление о порядке, заполнят этот вакуум. Это нужно предотвратить» [2].

Размытая на первый взгляд картинка допускает множество трактовок и несколько вариантов расстановки акцентов. Однако интерпретационное поле, которое каждый исследователь будет формировать по-своему, окажется и частично универсальным, если не упускать из виду феномен «европейская безопасность». Ведь придется говорить о том, что 1) европейская безопасность как часть «либерального, основанного на правилах, демократического порядка» подвержена эрозии, которая происходит в условиях «конкуренции за глобальный порядок»; 2) разоруженческая проблематика приобретает особое значение; 3) Германия заинтересована в эффективно работающих

коллективных институтах; 4) эффективность подобных институтов должна, по мнению Федеративной Республики, обуславливаться наличием стратегии, сотрудничеством (к примеру, ООН и Африканского союза) и дееспособностью; 5) Европа должна понимать свою долю ответственности и вносить собственную лепту в решение актуальных проблем.

Исходя из этого, возможны, как минимум, три интерпретации европейской безопасности в представлении Х. Мааса: 1) это эрозируемый феномен; 2) это феномен, наполняемый новым содержанием, новым проблемным комплексом; 3) это феномен поиска институциональной рамки. В первом случае дальнейшее исследование будет строиться на выявлении черт эрозии, оценке опасности ее отдельных проявлений. Второе понимание европейской безопасности может выделить иерархию и проанализировать приоритетные темы, а третья интерпретация будет полезна для изучения истории институтов.

Феноменологизация, таким образом, препятствует разрыхлению предмета исследования, повышает значимость выводов, способствует диалогу ученых не только через обмен фактами, что, конечно, интересно, но менее ценно, нежели выстраивание совместных научных программ и получение дополняющих друг друга результатов. Она является основным условием правильного определения предмета в работах по новейшей истории.

Коллеги могут возразить, что феномены важны и для работ по другим историческим периодам и будут несомненно правы. Однако только специалистам по современности приходится учитывать их ограниченный набор и особую значимость для результатов собственного научного труда. Поэтому крайне важно составить список феноменов, прописывать границы изучения, выработать примерные алгоритмы, поскольку задача исследования современного исторического периода – это не просто собирание фактов, но и их первичная интерпретация, что существенно облегчит работу последующему поколению историков, когда станут доступны архивные документы. Без феноменологизации теперешние работы подвергаются опасности быстрого обесценивания.

Все это обуславливает тесное сотрудничество источниковедов и историков, занимающихся новейшей историей, концентрацию усилий источниковедов не только на описании особенностей «интернетовских источников», но и на рассмотрении смежных проблемных комплексов, к примеру, соотношения отдельных (под)видов источников и феноменов, включая формулирование потенциальных алгоритмов отбора документов и определение примерных границ конечного результата. В этой связи феноменологизацию вполне можно охарактеризовать в качестве некоего вызова современному источниковедению, потому что, с одной стороны, источники, как показано выше, нужны для фиксации вариантов последующей интерпретации феномена, с другой – для более глубокого и четкого изучения этого периода, «действительности такой, какая она есть на самом деле».

1. Rede von Außenminister Heiko Maas beim High-Level Event on Sustaining Peace der VN-Generalversammlung, 24.04.2018. – [Электронный ресурс] // <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-uno-sustaining-peace/2005914>. – Дата доступа: 20.02.2019.
2. Rede von Außenminister Heiko Maas vor dem Deutschen Bundestag in der Haushaltsdebatte, 16.05.2018. – [Электронный ресурс] // <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-bundestag-haushalt/2081408>. – Дата доступа: 20.02.2019.
3. Rede des Bundesministers des Auswärtigen Heiko Maas zum Amtsantritt am 14. März 2018 in Berlin. – [Электронный ресурс] // <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-des-bundesministers-des-auswaertigen-heiko-maas--862334>. – Дата доступа: 22.02.2019.
4. Rede von Außenminister Heiko Maas vor dem Deutschen Bundestag zum Bericht der Bundesregierung zum Stand der Bemühungen um Rüstungskontrolle, Abrüstung und Nichtverbreitung sowie über die Entwicklung der Streitkräftepotenziale (Jahresabrüstungsbericht 2017), 21.03.2018. – [Электронный ресурс] // <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-bundestag-jahresabruestungsbericht-2017/1794624>. – Дата доступа: 22.02.2019.
5. Statement von Außenminister Heiko Maas in der Debatte des UN-Sicherheitsrates zur Zukunft der UN-Friedensmissionen, 28.03.2018. – [Электронный ресурс] // <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/rede-vn/1852740>. – Дата доступа: 24.02.2019.